

Хуа Юньсян вздохнул:

— Придётся постараться изо всех сил, отыскать её и спасти, но надежды не так уж много...

Среднемолодая женщина посмотрела на него с лицом, полным тревоги, и утешила:

— Думаю, тебе не стоит слишком сильно переживать. Быть может, твой почтенный старший товарищ уже очень скоро сможет привести её сюда. Не пойдёшь ли ты отдохнуть в комнату моего сына?

Хуа Юньсян с чувством благодарности произнёс:

— Хорошо, но я причиняю старшей сестре столько хлопот, на сердце у меня крайне беспокойно.

Женщина улыбнулась:

— Не говори так, у меня дома редко кто-бывает. Если ты не брезгуешь бедностью, оставайся хоть на несколько дней, ничего страшного.

Хуа Юньсян достал слиток серебра весом в десять лянов, положил его на стол и с улыбкой сказал:

— Эта малость — лишь знак моей скромной благодарности старшей сестре.

Женщина покачала головой:

— Нет, убери его немедленно. Мы ведь соседи, как я могу принять твоё серебро?

Хуа Юньсян ответил:

— Если старшая сестра не возьмет, мне придется спать на улице, и я не осмелюсь больше утруждать тебя.

Видя, сколь твердо у него намерение, женщина перестала отказываться, подошла к боковой двери в левой части зала, приподняла занавеску и с мягкой улыбкой произнесла:

— В этой комнате спит мой сын. В бедной семье нет хороших постелей, надеюсь, ты не в обиде.

Хуа Юньсян сложил руки перед грудью:

— Что вы, старшая сестра, вы слишком любезны.

Прихрамывая, он подошел ближе и заглянул внутрь: комната и вправду оказалась очень простой — там стояли лишь старая бамбуковая кровать да кое-какая утварь, однако всё было прибрано на редкость чисто. Войдя вовнутрь, он воскликнул:

— Как же чисто здесь всё прибрано, старшая сестра!

Женщина слабо улыбнулась:

— Я убираю здесь каждый день, в надежде, что когда мой сын вернется, ему будет приятно.

Хуа Юньсян глубоко проникся трогательным чувством и вздохнул:

— Иметь такую мать — ваш сын должен гордиться.

Женщина слегка улыбнулась, словно не желая продолжать этот разговор, и сказала:

— Ложись-ка как следует отдохнуть!

С этими словами она привычным движением прикрыла дверь комнаты.

Хуа Юньсян задвинул засов и сразу же лег на кровать.

Заснуть он не мог: рана на ноге по-прежнему сильно ныла, к тому же его терзало нечто куда более мучительное, чем боль от ранения — образ того самого «Мрачного Жнеца», которого описывала Чэн Юхуэй...

Он был одет как старый рыбак, лет пятидесяти с лишним, с худощавым благородным лицом и седыми волосами, но его взгляд пылал пронзительным блеском, манера держаться была в высшей степени ученой и изысканной, а на верхней губе чернела родинка!

Это же самым подлинным образом был его собственный отец!

И как мог отец «воскреснуть из мертвых», называть себя «Мрачным Жнецом» и даже найти какого-то юношу, чтобы тот притворился им самим и убил главу Крепости Семи Мечей Чэн Фэнъи, пытаясь переложить вину на него? Неужели на свете бывают такие отцы, что «строят козни и губят собственных сыновей»?

Нет! Нет! Этот «Мрачный Жнец» — вовсе не отец, это самозванец! Но зачем ему понадобилось выдавать себя за отца? Неужели он не знает, что отец уже мертв?

А тот человек по имени «Ту Сяотянь по прозвищу „Первый Меч Китая“», появившийся на Горе Путо и убивший дядю, — это тоже наверняка был самозванец. Тот человек и «Мрачный Жнец», выдававший себя за отца, несомненно, были поделниками. Но какая связь между ними и Демоном-Убийцей?

Чэн Чжисюн говорил, что между отцом и его собственным родителем существовала давняя вражда. Что это была за вражда?

Если девушка-рыцарь из богатой семьи Цю Хуэйчжу схвачена Демоном-Убийцей, какая трагическая участь её ожидает?

Эта череда неразрешимых вопросов, словно град стрел, пронзала его голову, причиняя такую боль, что он едва не сходил с ума. Разве тут уснешь?

Но он изо всех сил старался обуздать бушующие эмоции, заставляя себя лежать неподвижно: ночь уже глубоко зашла, и ему вовсе не хотелось тревожить сон женщины.

Ночь стояла тихая-тихая, лишь в каких-то десятках чжанов отсюда глухо доносился жалобный плеск вод Реки Янцзы...

Не прошло и двух часов, как он вдруг встрепенулся всем существом и резким движением сел. До его слуха донёсся какой-то звук!

Звук этот был очень тихим, доносился издалека, звучал мерно и непрерывно — словно кто-то бил каким-то железным предметом по камню: «Дзынь! Дзынь!»

Звук то усиливался, то ослабевал, из-за чего казалось, что он раз то вдалеке, то совсем близко. Прислушавшись со всем вниманием, он уверился, что это не игра его воображения, и в испуге подумал про себя: «Странно, что это за звук? Неужели кто-то сражается? Нет, на звон оружия это не похоже...»

Он знал, что в радиусе нескольких ли вокруг нет ни единого жилья, оттого подозрения его лишь усилились, и он решил выйти и во всем разобраться. Однако в тот самый момент, когда он уже собирался встать с постели, этот «дзынькающий» звук внезапно смолк!

«Чудны дела, неужели мой разум затуманен и мне послышалось?»

Он снова прислушался, склонив голову, но звук больше не возобновлялся, и он решил, что это была всего лишь иллюзия, а потому вновь прилёг.

Однако стоило ему только лечь, как вновь посчастливилось услышать это «дзынь!», и на сей раз звук звучал предельно отчётливо!

Пораженный, он снова приподнялся и пробормотал про себя:

— Никакой ошибки, звучит на самом деле!

Тогда он тут же схватил кисть судьи, заткнул её за пояс, опустил ноги с постели, заметил за дверью валяющееся коромысло и решил использовать его вместо трости. Отворив дверь, он вышел в залу.

Настороженно прислушавшись, он понял, что звук всё ещё раздаётся, вот только никак не удавалось разобрать, откуда именно он доносится.

Боясь потревожить сон хозяйки, отдохавшей в своей комнате, он осторожно отворил парадную дверь хижины и вышел наружу.

— Дзынь, дзынь, дзынь...

Звуки продолжали доноситься, но источник их по-прежнему ускользал!

Он обошел вокруг дома, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы прислушаться. То казалось, что звук идет издалека, то — что он раздается прямо перед ним, но определить точное направление было невозможно.

Обследовав окрестности, он вновь ничего не обнаружил. В глубоком замешательстве юноша подумал:

— Эту загадку непременно нужно разгадать. Пожалуй, разбужу хозяйку и расспрошу её — быть может, она знает, откуда берется этот шум.

Приняв решение, он вернулся в залу и позвал:

— Старшая сестра, старшая сестра, проснись, пожалуйста!

Комната женщины находилась сразу за боковой дверью в правой части залы, всего в нескольких чи отсюда, но в ответ не донеслось ни звука — очевидно, она крепко спала.

Хуа Юньсян повысил голос:

— Старшая сестра, проснись, пожалуйста!

В комнате по-прежнему царила полная тишина.

Юноша был удивлен и подумал про себя: «Странно, почему она так крепко спит? Ах да, глубокая ночь, она, должно быть, решила, что я замышляю недоброе, и потому не смеет отозваться. Пожалуй, вернусь-ка я в комнату, а расспрошу её уже завтра утром».

С этими мыслями он запер парадную дверь и вернулся к себе.

— Ты меня звал? Что-то случилось?

Голос женщины внезапно раздался в зале.

Выйдя наружу, Хуа Юньсян увидел, что она уже вышла из своей комнаты на порог, и виновато улыбнулся:

— Простите, я разбудил вас, старшая сестра.

Женщина подняла руку и пригладила растрепавшиеся волосы, с улыбкой ответив:

— Ничего страшного. Что тебе нужно?

— Да ничего особенного, — ответил Хуа Юньсян. — Просто я услышал странный звук и, посчитав его необычным, решил разбудить вас и расспросить.

Женщина удивилась:

— Какой ещё звук ты услышал?

— Какой-то очень тихий звук вроде «дзынь-дзынь», словно кто-то бьет железным инструментом по камню. Прислушайтесь-ка, старшая сестра.

Женщина на мгновение склонила голову вбок, вслушиваясь, и покачала головой:

— Ничего не слышно!

Хуа Юньсян тоже прислушался и к своему изумлению обнаружил, что «дзыньканье» куда-то исчезло. Ошеломленный, он воскликнул:

— Чудеса, куда же оно снова пропало?

Женщина спросила:

— Ты и вправду что-то слышал?

— Да, только что я отчетливо слышал непрерывный перезвон, но стоило мне собраться на поиски, как он смолк. Потом, правда, начался снова, а теперь опять пропал.

В растерянности женщина произнесла:

— Я отроду не слышала никаких подобных звуков. Боюсь, тебе просто показалось?

Хуа Юньсян с уверенностью возразил:

— Никакой ошибки. Прислушайтесь повнимательнее, старшая сестра, возможно, он зазвучит снова.

Женщина предположила:

— Мы ведь совсем близко от реки, мало ли — может, это просто плещется вода?

— Нет, если бы шумела речная вода, звук никогда бы не затихал и не возникал вновь.

— И на что же, по-твоему, это похоже?

— Словно какой-то острый железный предмет ударяет о камень. В детстве мне доводилось видеть в городе, как могильщики высекают надгробные плиты.

Женщина испуганно поежилась:

— Перестань меня пугать, умоляю. Поблизости нет ни жилья, ни кладбища, откуда здесь взяться звукам тесания камня?

Хуа Юньсян виновато улыбнулся:

— Простите, я лишь хотел сказать, что звук очень напоминает работу каменотеса, не пугайтесь, старшая сестра.

— А сейчас доносится?

Напряженно вслушавшись, юноша покачал головой:

— Сейчас нет.

— Наверное, кто-то мастерит что-то вдали. Ночью звуки разносятся далеко, так что не бери в голову.

Хуа Юньсяну стало немного неловко:

— Простите, что потревожил ваш сон, старшая сестра. Просто я знал, что вокруг ни души, вот и удивился. А теперь ступайте к себе, отдохните.

Женщина слабо улыбнулась:

— И ты ложись спать, не придумывай всякой чертовщины!

С этими словами она повернулась и ушла к себе.

Хуа Юньсян тоже вернулся в комнату и снова лёг на кровать.

Забыть о странном звуке он, конечно же, не мог, а потому продолжал лежать в темноте, напряженно прислушиваясь.

Он был уверен, что тот звук непременно повторится.

Но сколько он ни ждал, вслушиваясь в тишину, больше ни единого звука не донеслось извне — всё вокруг погрузилось в необычайную, мертвую тишину!

Это казалось странным, истинную причину разгадать не удавалось, а неразрешенные подозрения не давали ему сомкнуть глаз всю оставшуюся ночь...

За домом прокричал петух, возвещая скорый рассвет.

— Тук-тук-тук!

Внезапно в дверь кто-то постучал!

Хуа Юньсян немедленно соскочил с постели, вышел в залу и спросил:

— Кто там?

— Это старый нищий!

Узнав голос Хромого Сяня, Хуа Юньсян отворил парадную дверь. Хромой Сянь стоял на пороге, держа в руке ту самую плетеную корзинку с лекарствами, и больше никого рядом не было. Поняв, что «Девушку-Рыцарь из Богатой Семьи Цю Хуэйчжу» отыскать не удалось, юноша сложил руки в приветствии:

— Почтенный старший товарищ, прошу входить.

Переступив порог и усевшись, Хромой Сянь вздохнул:

— Дело дрянь! Похоже, эту девушку действительно похитили!

— Она разве не заходила к нам домой? — спросил Хуа Юньсян.

Хромой Сянь покачал головой:

— Нет!

— Отдохните пока, старший товарищ, а как рассветет, мы снова пойдем на Врата Призраков и всё как следует обыщем.

— Придётся так и сделать, — согласился Хромой Сянь. — А как твоя рана?

— Уже не так болит, как вчера.

Хромой Сянь поставил корзинку на стол:

— Старик принес целебное снадобье из твоего дома, можешь потом сменить повязку.

Хуа Юньсян с почтением поблагодарил:

— Спасибо, вы обо всём позаботились, старший товарищ.

В этот момент боковая занавеска в правой части залы качнулась, и появилась хозяйка. На её лице запечатлелось выражение сонной лени:

— А, почтенный старец, вы вернулись.

Поднявшись, Хромой Сянь ответил:

— Да.

— Удалось ли отыскать ту девушку? — поинтересовалась она.

— Нет.

— И что же теперь делать?

— Пойдем чуть позже на Врата Призраков, посмотримся снова, может, удастся найти хоть какие-нибудь зацепки.

— Присаживайтесь, почтенный старец, а я пойду приготовлю чего-нибудь поесть на двоих, — с этими словами женщина скрылась.

Хромой Сянь поблагодарил её и сел. Дождавшись, пока она уйдет, он повернулся к Хуа Юньсяну и с улыбкой заметил:

— Какая гостеприимная хозяйка!

Хуа Юньсян кивнул:

— И то верно. Вчера вечером я расспросил её о семье: она рассказала, что в юности ходила с отцом по миру и зарабатывала на жизнь пением, потом вышла замуж, но восемнадцать лет назад её муж трагически погиб. У неё остался лишь один сын, который уже вырос и зарабатывает на жизнь в чужих краях.

— Вот как, — протянул Хромой Сянь. — Неудивительно, что она умеет так красиво петь.

— Старший товарищ, не хотите ли прилечь отдохнуть в комнате? — предложил Хуа Юньсян.

— А где ты спал прошлой ночью? — осведомился Хромой Сянь.

Юноша указал на левую комнату:

— Вон в той, это комната её сына.

Хромой Сянь поднялся, вошел внутрь, уселся на кровать, скрестив ноги, и усмехнулся:

— Старику хватит посидеть немного.

С этими словами он закрыл глаза и погрузился в медитацию.

Не смея мешать, Хуа Юньсян взял коромысло вместо трости, вышел из дома и стал любоваться окрестными пейзажами, вдыхая свежий утренний воздух...

Прошло около часа, и полностью рассвело. Хозяйка уже закончила готовить утреннюю трапезу. Вынеся еду к столу и заметив застывшего на улице Хуа Юньсяна, она окликнула его:

— Завтрак готов, позови того почтенного старца к столу.

Поблагодарив её, юноша вернулся в комнату и увидел, что Хромой Сянь как раз спрыгнул с кровати:

— Вы уже закончили отдых, старший товарищ?

Хромой Сянь усмехнулся:

— У старого нищего в животе урчит, так что пора подкрепиться. Пойдемте есть!

К завтраку подали соленую рыбу и солонину — угощение выглядело весьма неплохо. Они тут же уселись за стол и принялись за еду.

Проглотив миску риса, Хромой Сянь, похоже, вспомнил про вино, хлопнул себя по фляге на поясе и горько усмехнулся:

— Вот беда, вино кончилось.

— Вы так любите выпить, старший товарищ? — спросил Хуа Юньсян.

— О да, если за каждым приемом пищи не пропущу пару чарочек, чувствую себя не в своей тарелке...

— Кажется, поблизости нет винных лавок.

Хромой Сянь понизил голос:

— А ты спроси у хозяйки, может, у неё в доме найдется вино!

Хуа Юньсян поднялся и заглянул на кухню. Там хозяйка тоже предавалась трапезе; сложив руки, юноша осведомился:

— Старшая сестра, не найдется ли у вас случайно капельки вина?

Женщина изумленно моргнула:

— Тебе захотелось выпить?

— Нет, это для моего почтенного старшего товарища, он очень хотел бы пропустить пару чарочек.

Хозяйка поднялась, подошла к буфету и извлекла оттуда небольшой глиняный кувшинчик со словами:

— Это вино, которое оставил мой покойный муж. Оно так и стояло здесь без движения, не знаю, можно ли его ещё пить.

Хуа Юньсян принял кувшинчик и спросил:

— Что это за вино?

— Большой цюй, — ответила женщина. — Покойный муж страсть как любил выпить, вот и подорвал здоровье.

Услышав, что это вино цюй, Хуа Юньсян искренне порадовался за Хромого Сяня:

— Чем старее вино, тем оно ароматнее. Раз этот кувшин простоял больше десятка лет, вкус должен быть отменным. Спасибо вам, старшая сестра!

Прижав кувшинчик одной рукой и опираясь другой о стену, он вернулся в залу и с улыбкой объявил Хромому Сяню:

— Повезло вам, старший товарищ, раздобыли отменного винца!

Хромой Сянь тут же перехватил кувшинчик, сорвал пробку и, понюхав, расплылся в улыбке от уха до уха:

— Чудесно! Выдержанный большой цюй! Эту вещь в лавке днем с огнем не сыщешь!

Он поспешно наполнил чашку, сделал огромный глоток, шумно перевел дух и воскликнул:

— Вот это блаженство! Старый нищий вечно бедствует, и уже целую вечность не пробовал такого отменного зелья!

Хуа Юньсян усмехнулся:

— После можете наполнить свою флягу доверху, старший товарищ.

Хромой Сянь лукаво прищурился:

— Неудобно как-то...

— Ничего страшного, та сестра не пьет, это остатки прежних запасов её покойного мужа.

— А есть у тебя с собой серебро?

— Есть, — ответил юноша. — В тот раз, когда вы, старший товарищ, пожаловали мне жетон Клана Нищих, я прибыл в поселок Ханькоу и встретился с местным главой отделения Чжао Рябым. Узнав, что мои дорожные деньги подошли к концу, он подарил мне триста лянов серебра, и я еще не всё потратил.

— Тогда не пожалей пары лянов в награду хозяйке, — наставительно произнес Хромой Сянь. — Она одинокая женщина, судьба её горька, мы не можем объедать её даром.

— Я уже отдал ей десять лянов вчера вечером, вряд ли она согласится взять еще.

Услышав, что деньги уже уплачены, Хромой Сянь окончательно успокоился и принялся налёжку уплетать еду и питье. Насытившись до отвала, он доверху наполнил свою флягу вином и весело засмеялся:

— Старый нищий не боится остаться без еды, ему бы только выпить! Ну вот, теперь я полон сил. Сейчас я сменю тебе повязку, а потом мы вместе отправимся на Врата Призраков!

Сменив повязку, старик и юноша распрощались с женщиной и вместе направились к Вратам Призраков.

Хуа Юньсян срубил бамбуковый шест взамен трости и зашагал вперед, опираясь на него. Пройдя несколько ли, они подошли к подножию Врат Призраков, где Хромой Сянь снова взвалил его на спину и легким движением мастера цигун взмыл вверх по склону.

Спустя две стражи они уже стояли на самой вершине Врат Призраков.

Бросив взгляд вокруг, они увидели, что каменные изваяния «Ту Сяотяня по прозвищу „Первый Меч Китая“», «Нефритового Сяо Сянея Цю Цинцюаня», «Героя боевых искусств Гуй Янмина» и «Великого ученого-рыцаря Хуа Сюаньпу» по-прежнему стояли на прежних местах.

Опустив Хуа Юньсяна на землю, Хромой Сянь предложил:

— Давай присядем, отдохнем немного, а потом как следует всё осмотрим. Вчера, когда старик примчался сюда, уже стояла крошечная тьма, и толком ничего не было видно.

Усевшись на большой круглый валун и глядя на четыре каменные фигуры, Хуа Юньсян всё еще не мог унять волнение:

— Удалось ли вам заметить хоть какой-то скрытый смысл в этих изваяниях, старший товарищ?

Хромой Сянь присел рядом и покачал головой:

— Старик пока не улавливает здесь никакого тайного умысла. Можно лишь сказать наверняка, что Демон-Убийца намеренно надругался над телами тех, кого лишил жизни.

На лице Хуа Юньсяня проступила горькая судорога гнева и боли:

— Мне так и хотелось разнести эти статуи вдребезги, но подумалось: уничтожив их, мы потеряем последнюю зацепку в поисках убийцы.

— Верно, разбивать их пока нельзя, — согласился Хромой Сянь. — По крайней мере, до тех пор, пока сюда не прибудут Ту Сянян и Гуй Чжибяо.

Больше Хуа Юньсян не произнес ни слова. Его взгляд скользнул со статуи «Ту Сяотяня по прозвищу „Первый Меч Китая“», у которого были вырезаны сердце и печень, на изваяние «Нефритового Сяо Сянея Цю Цинцюаня», пронзенного градом стрел, затем перешел на статую «Героя боевых искусств Гуй Янмина» с выжженными глазницами и, наконец, остановился на фигуре отца с отрубленной головой. В этот момент сердце его дрогнуло, и он повернулся к Хромому Сяню:

— Старший товарищ, кое-что не дает мне покоя...

Хромой Сянь вопросительно уставился на него:

— В чем дело?

— Когда человек убивает из мести, он вряд ли станет изощряться, применяя каждый раз разные способы умерщвления, а просто прикончит врага до конца, не так ли?

Хромой Сянь кивнул:

— Разумеется.

— А этот Демон-Убийца расправился со всеми четырьмя — в том числе с моим отцом — абсолютно разными способами, да еще и приказал высечь сцены их гибели в камне. Что бы это значило?

Хромой Сянь задумался:

— Хм, а в этом и впрямь есть что-то странное...

— Смее утверждать, что действия Демона-Убийцы вовсе не ограничиваются надругательством над мертвецами, здесь определенно кроется нечто большее!

Разделив его точку зрения, Хромой Сянь кивнул:

— Пожалуй. Но разгадать этот скрытый смысл будет ох как непросто...

Хуа Юньсян тяжело вздохнул:

— То-то и оно, только это мне и не дает покоя!

— Сейчас главное — отыскать Цю Хуэйчжу, — напомнил Хромой Сянь. — Раз уж её привел я, мне и отвечать за её жизнь или смерть.

— Полагаю, девушке Цю ничто не угрожает, — высказал догадку Хуа Юньсян.

— С чего ты взяло?

— Теперь уже можно с уверенностью сказать, что она попала в руки Демона-Убийцы. Но убивать её он вряд ли станет: если бы хотел покончить с ней, мог расправиться прямо здесь, зачем тогда утруждать себя и увлакивать куда-то в другое место?

— Рассуждаешь ты умно, но на душе у старика всё равно беспокойно, — покачал головой Хромой Сянь.

Встав на ноги, Хуа Юньсян предложил:

— Давайте сперва осмотримся вокруг.

И старик с юношей разошлись в разные стороны.

Вершина Врат Призраков достигала в ширину нескольких десятков чжанов, земля здесь была сплошь усеяна причудливыми валунами и дикой травой, деревьев же росло мало, так что поиски не представляли особого труда. Спустя стражу оба обошли каждый дюйм вершины, но результат оказался нулевым — не нашлось ни малейшей зацепки или следа.

Хромой Сянь вздохнул:

— Чисто сработал этот Демон-Убийца, не оставил ни единой улики!

— Что же нам теперь делать? — спросил Хуа Юньсян.

Вернувшись к каменным изваяниям, Хромой Сянь тяжело вздохнул и уселся на землю:

— Старик и сам ума не приложит!

Подойдя к статуе отца и протянув руку, чтобы погладить холодный камень, Хуа Юньсян внезапно обернулся и произнес:

— Как вы думаете, насколько искусно выполнены эти изваяния?

Хромой Сянь ответил:

— Мастерство необычайное, превосходная работа!

— Раз так, возможно, на свете есть лишь один человек, способный разгадать эту тайну.

Хромой Сянь поднял глаза и спросил:

— Кто же?

<http://bllate.org/book/19517/1913828>